

Она скучала по Эйлору.

Элия Мартелл знала, что Семеро наверняка осуждали ее за это, ведь она должна была тосковать по Рейгару, наследнику Железного трона и отцу ее детей. Но при мысли о муже Элия чувствовала лишь гнев и душевную боль. Не самые приятные чувства. Поэтому, она вспоминала его младшего брата.

Они получили известия из Штормовых земель, как от гонцов, посланных самим Сумеречным Драконом, так и от Вариса с его паутиной.

Эйлор разбил отряд противника в Бронзовых Воротах, захватив лорда Баклера и других дворян с рыцарями. Следующий бой прошёл в Дрейкстрејве, где он тоже сразил своего врага на берегу Узкого Моря, однако, лорда Селвина Тарта и его советников пленить не смог — те ускользнули.

Элия надеялась, что младший сына Таргариенов уцелел. Объективно, он остался единственной надеждой своей династии. Следовательно, её надеждой. Несмотря на то, что сама она изначально входила в семью Мартеллов, её дети — драконьи лорды, а потому, их безопасность напрямую зависела от положения рода Таргариенов, который лежал на плечах Эйлора.

Они получили известия и из других мест.

Ее младший брат Оберин сейчас находился на Костяном Пути, выполняя приказ Сумеречного Дракона приказ не дать Баратеону сбежать через Дорн. Элия знала, что ее гиперактивный брат будет изнывать и от приказа, и от того, что пропустит сражение, но также она знала, что приказ он выполнит безукоризненно.

Оберин и Эйлор завязали странную дружбу: Красный Змей любил второго Таргариена гораздо больше, чем первого.

В какой-то момент эта любовь изрядно насторожила Элию, которая предположила, что Оберин жаждет более... близких отношений. Да, ей были хорошо известны вкусы и раскрепощённость брата в некоторых вопросах. В то же время, она не знала, как Эйлор отреагирует на подобное. К счастью, по итогу так и не узнала — Оберин ничего не предпринял.

Помимо вестей с полей сражения, прибыли новости и иного рода, из которого стало ясно, что Сумеречный Дракон не ошибся в намерениях Хостера Талли.

Шпионы Вариса доложили, что речник успел выдать замуж не только свою якобы убитую горем старшую дочь Кейтилин за брата ее покойного жениха Эддарда Старка, но и младшую за престарелого Джона Аррена. Все три региона собирались в Риверране, и их присутствие вскоре превратится в кинжал, что острием будет направлен на Королевскую Гавань.

Кинжал, направленный на ее детей.

Роберт Баратеон оставался единственной непонятной картой. Последняя весть от Дракона из Сумеречного Дола гласила, что Баратеон движется к Штормовому Пределу, и что сам Эйлор готовится к схватке с ним. Тем временем Мейс Тирелл перебрасывал основную часть своих сил, чтобы попытаться зажать Оленя между Розой и Драконом, а его вассал, — Рэндилл Тарли, — направил авангард к Королевскому Тракту, дабы перекрыть дорогу к Королевской Гавани.

Однако, даже со всеми мерами предосторожности и со всеми этими манёврами, будущее оставалось туманным — даже Варис не был уверен, где находится мятежный правитель Штормовых Земель и что он замышляет.

Вопреки мнению большинства, Элия считала, что есть ещё одна фигура на доске, скрытая вуалью тайны. Рейгар. Никто не знал, куда запропастился сумасбродный принц и трое его королевских гвардейцев.

Уже не в первый раз Элия благодарила богов и Сумеречного Дракона за сира Манфреда Дарка и его опеку. Он был столь же груб, сколь и уродлив, и ни чувственная Талана Вейт, ни красавица Ашара Дэйн не смогли добиться от этого приземистого рыцаря даже скупой улыбки. Однако было совершенно очевидно, что он человек редкой породы — знающий, что такое преданность и честь. Эйлор приказал ему защищать королевскую семью, — по крайней мере, большую ее часть, — любой ценой, и он защищал ее.

К сожалению, кроме королевы. Её защитить было некому.

Рейлла Таргариен оказалась снова беременна после трех живых детей и восьми, не переживших младенчества; ее живот уже начал раздуваться. Элия считала, что нерожденный ребенок и юный эксцентричный Визерис — это единственное, что поддерживало жизнь ментально и физически убитой женщины.

Вся эта ситуация не давала покоя Элии, ещё с тех самых пор, когда она вышла замуж за Рейгара и впервые услышала отчаянные мольбы своей новой матери о помощи в тех случаях, когда Эйрис вступал в свои «права» мужа. Ее бесило, что Рейгар ничего не делает, пока его мать страдает, но вскоре она поняла, что никто не может ничего сделать. Ни королевская гвардия, ни Рейгар, ни даже Эйлор, который всегда был более вспыльчив и не терпел эксцентричности своего отца.

Никто не смел поднять палец на короля.

— Принцесса. — Раздался голос такой, каким мог бы обладать оползень. То есть голос Манфреда Дарка. — Письмо для вас.

Элия улыбнулась широкоплечему мужчине.

— Благодарю, сир Манфред.

Он протянул письмо в одной руке, а в другой держал крошечную куклу.

— Это... — Произнес большой рыцарь, которому явно было неудобно держать что-то настолько маленькое в своих огромных ладонях. — Прилагается.

Элия не могла не хихикнуть при виде чудовищного мужчины, держащего куклу. Ее смех ещё больше усилился, когда мужчина покраснел. Талана и Ашара были не менее потрясены, узнав, что кукле удалось совершить подвиг, на который оказались неспособны ни одна из их женских хитростей.

Принцесса Дорна прекратила страдания мужчины и взяла предложенную куклу с пергаментом, тут же сломав печать с изображением схлестнувшихся в схватке драконов — символ Эйлора.

«А, как раз тот, о ком я думал»

Физически младший принц был узким; эмоционально — широким. При желании, он был способен передать широкий спектр эмоций одними лишь словами. Правда, делал это нечасто. В то же время Рейгар по праву считался истинным поэтом, который без труда сгибал слова в чудесные композиции. Поэзия и пение были тем, что она любила в своем муже больше всего. Эйлор не обладал таким талантом, и мог похвастать разве что половиной мастерства старшего брата, однако, этого было достаточно, чтобы письмо напомнило об Рейгаре.

Элия,

Возможно, это станет для тебя сюрпризом, но у меня есть новая кукла для твоей дочери.

Я нашел ее в покоях, которые захватил в Дрейксгрейве. Полагаю, она принадлежала одной из девушек Масгудов. Что же, теперь она принадлежит Рейнис Таргариен. Можешь назвать это бесчестным воровством, если того пожелаешь, но я уверен, что твоя дочь, так уж и быть, закроет глаза на такую мелочь и подарок примет.

Я знаю, что сир Манфред хорошо позаботился о нашей семье в моё отсутствие, и всё же я беспокоюсь за вашу безопасность и безопасность ваших детей, а также моей матери и Визериса. Держи Эйгона и Рейнис рядом с собой. Эта война — величайшая угроза династии Таргариенов со времен Деймона Блэкфаира, и я боюсь, что в ходе нее будет потеряно больше жизней, чем даже на Краснотравном поле. Я прошу тебя помнить, что сир Манфред — твой

телохранитель; пожалуйста, ради Семерых, позволь ему охранять вас.

Сегодня я убил мальчика. Оруженосца, не старше тринадцати лет. Это даже сражением настоящим не назвать, так, стычка, призванная завершить стратегический манёвр и сбить с толку основные войска Роберта Баратеона. Он метнул в меня копье, в надежде прославиться как убийца Сумеречного Дракона. Не успел я сообразить, что происходит, как разорвал с ним дистанцию и стряхивал с ладони кровь, что хлестала из его перерезанного горла. Мальчик, который наверняка даже не ощутил тепла женщины. Отныне, он в объятьях холодной глины.

Я ничего не почувствовал.

Ни угрызений совести, ни печали из-за смерти столь юного человека. Вот, что меня пугает.

Обними от меня племянницу и племянника. Я молюсь, чтобы когда-нибудь смог сделать это сам. И ещё отчаянней молюсь, чтобы в Королевскую Гавань вернётся человек, а не дракон, ибо изо дня в день второго во мне становится всё больше, вытесняя первого.

Эйлор.

Элия не знала, улыбнуться ли подарку или нахмуриться от тревожных слов.

Заботу младшего Таргариена о племяннице и племяннике она всегда находила трогательной, милой, и ее ничуть не удивило, что Эйлор даже войну умудрился использовать и найти во время неё ещё больше кукол для и без того впечатляющей коллекции Рейнис. Однако... его открытое предостережение пугало. Очевидно, он чувствовал, что меняется, понимал это, но не мог изменить, поскольку война требовала на поле боя Дракона. Элия знала, что мужчины меняются на войне, но это... это казалось чем-то большим. Также она знала, что теперь каждый вечер будет проводить больше времени за молитвой, но не только за своих детей или за сохранность жизни Эйлора, как раньше, а ещё и за то, чтобы он не утратил своё Я.

Семеро знало, что хороших людей, как Эйлор, очень мало, особенно на руководящих постах. Они не могли позволить ему умереть или превратиться в чудовище.

Дорнийка вручила куклу дочери, и в горле у нее встал комок от восторженных визгов. Элия обняла свою дорогую Рейнис, что обвила шею матери крошечными ручками. Комок стал еще больше.

Прошло много времени с тех пор, как Элия Мартелл проигрывала своим эмоциям и давала им волю. Желание плакать не покидало ее уже несколько месяцев, но она держалась. Сейчас,

пока девочка отвлеклась и играла в куклы, сорвалась первая слеза.

<http://tl.rulate.ru/book/80678/2559949>